

Поэты Серебряного века в Саратове

Я с предубеждением отношусь к “местечковому” патриотизму, считая, что поэт, если это поэт истинный, – достояние всей культуры и совершенно неважно, где он родился, жил и похоронен: в Москве, Венеции или на какой-нибудь станции Зима. Мне претит, когда изучают и почитают поэта не за стихи, а за то, что он местный. И тем не менее, когда узнаёшь, что любимый поэт имеет какое-то отношение к твоему родному городу – жил здесь или бывал когда-то – то испытываешь ни с чем не сравнимое чувство радости и гордости. Подумать только – твой кумир ходил по этим же мостовым, видел те же дома и деревья, и во многом благодаря ему теперь всё это увидят, узнают тысячи других людей в разных уголках земли. Сергей Гандлевский в одной из своих книг заметил: “Все эти губернские, областные и районные центры для большинства москвичей так и останутся ничего ни уму, ни сердцу не говорящими административно-территориальными единицами, пока не найдётся талантливый человек, который привяжется к какой-нибудь дыре и замолвит за неё слово. Тогда на культурной карте появляется новая местность, напоминая нам, что всюду жизнь”. Благодаря каким же поэтам появился “на культурной карте” наш Саратов? Расскажу о нескольких героях моих литературных вечеров, которых что-либо связывало с нашим городом.

Михаил Кузмин родился в Ярославле 6 октября 1872 года в многодетной семье старинного дворянского рода. Отец – отставной морской офицер, мать – правнучка знаменитого французского актёра, приглашённого в Россию при Екатерине. В стихотворении “Мои предки” Кузмин поднимает их всех из забвения, а вместе с ними – целый срез русской жизни. Вскоре семья Кузминых переезжает в Саратов, где прошло детство и отрочество поэта. В Госархиве Саратовской области хранится “формулярный список о службе члена Саратовской судебной палаты А.А. Кузмина” – отца Михаила, который в феврале 1874 года приказом министра юстиции был назначен на службу в Саратов. В Саратове действительный статский советник А.А. Кузмин служил до начала 80-х годов. Жила семья Кузминых в доме №21 по Армянской (ныне Волжской) улице. Дом, к сожалению, не сохранился.

Михаил Кузмин

М. Кузмин посещал ту же гимназию, что и Чернышевский. Впечатлений от Саратова в стихах и прозе Кузмина почти не сохранилось, если не считать беглого пейзажа в неоконченном романе “Талый след”: “От Саратова запомнил жары летом, морозы зимой, песчаную лысую гору, пыль у старого собора и голубоватый уступ на повороте Волги-Увека. Казалось, там всегда было солнце”.

Уже взрослым человеком Кузмин подолгу проводил время в заволжских скитах, бывал в имениях родных и знакомых, снимал комнату под Нижним Новгородом. Впечатления нашли отражение в стихах:

Я знаю вас не понаслышке,
о верхней Волги города!
Кремлей чешуйчатые вышки,
мне не забыть вас никогда...

София Парнок с ранней юности вела крайне независимый, кочевой образ жизни, в чём выразался её бунт против домашнего уюта и мещанских добродетелей.

Былое – груз мой роковой –
бросаю чёрту на потребу.
Над бесприютной головой
пылай, кочующее небо!

София Парнок

Она рано ушла из дома и жила с тех пор во временно снятых квартирах, углах, меблированных комнатах. С 1909 по 1932 годы только московский свой адрес Парнок поменяла 17 раз. А лето 1910 года она провела в Саратовской губернии. Правда, впечатлений от этого лета в её стихах не отразилось. А вот Фёдор Сологуб такие впечатления нам оставил.

Фёдор Сологуб

3 февраля 1914 года он читал лекцию об искусстве в Саратове в помещении бывшего Коммерческого клуба на улице Радищева (ныне Дом офицеров). Вот цитата из газеты “Саратовский листок” от 5 февраля 1914 года (№30): *“Лекция Фёдора Сологуба в Коммерческом клубе прошла при переполненном зале, вызвав значительный интерес в публике. С внешней стороны речь Сологуба, хотя и монотонная, построена красиво и представляла ряд своего рода афоризмов. После сообщения Ф. Сологуб прочитал несколько собственных стихотворений, вызвав шумные аплодисменты. Прений за поздним временем не было”*. А вот что по поводу той же лекции пишет Сологуб своей “Малимочке” – жене Анастасии Чеботаревской: *“Лекция была не публичная, а только для членов клуба и гостей; члены бесплатно, а гости – по 50 к. (характерные высказывания в его письмах: “Публики было на 205 рублей”)*. Там было столпотворение вавилонское, такая толпа, какой у них ещё ни разу не было на их собраниях – более 1000 человек. Много молодёжи, но много и почтенных особ. Слушали необычайно для такой толпы внимательно. После лекции просили стихов”.

На другой день поэт посетил наш Радищевский музей, который ему не понравился. Из письма жене: *“Вчера был в Радищевском музее. Картины очень неинтересны, только и есть, что четыре небольшие Борисова-Мусатова. Много копий, и весьма посредственных. Лучшие там фарфоровые вещицы Императорского фарфорового завода, старые вещи – кошельки, бумажники, шитые бисером, китайские кое-какие вещи, стол письменный и кресло Тургенева”*.

Сологуб описывает в этом письме забавный эпизод, случившийся тогда в Саратове: *“Передо мной в четверг был вечер о футуризме. Четыре местных молодых шалопая выпустили глупый альманах под футуристов, назвали себя психофутуристами. Публика и газеты местные приняли это всерьёз; в газетах было много статей, публика альманах жадно раскупала. На вечере в Коммерческом клубе эти господа открыли, что они пошутили, чтобы доказать, что футуризм – нелепость. Теперь саратовцы очень сердятся на то, что их одурачили”*.

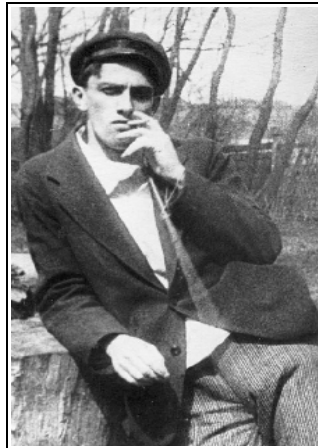
Владимир Маяковский был в Саратове три раза: в 1912, 1914 и 1927 годах. Останавливался каждый раз в гостинице "Волга" (бывшая "Астория"), что на Немецкой.

Гостиница "Астория"

Весной 14-го с группой футуристов выступал в саратовской консерватории. Вот каким описывает его "Саратовский вестник": "Весьма развязный

молодой человек (ему, по словам Бурлюка, всего 20 лет), появился на эстраде в розовом пиджаке, с разноцветным, торчащим из кармана платочком".

Владимир Маяковский

С этой саратовской поездкой связано возникновение названия поэмы "Облако в штанах". В статье "Как делать стихи" поэт вспоминает: "Возвращаясь из Саратова в Москву, я, в целях доказательства какой-то вагонной спутнице своей полной лояльности, сказал ей, что я "не мужчина, а облако в штанах". Сказав, я сейчас же сообразил, что это может пригодиться для стиха. Через 2 года "облако штанах" понадобилось мне для названия целой поэмы".

Зимой 1927-го Маяковский в третий раз приезжает в Саратов. На улицах – длинные аншлаги с одним словом: "МАЯКОВСКИЙ".

Улица Немецкая

А в это время простуженный поэт лежит в № 2 гостиницы "Астория" и подолгу смотрит в окно на будочку, находящуюся напротив. У него рождаются стихи:

Не то грипп, не то инфлуэнца.
Температура ниже рыб.
Ноги тянет. Руки ленятся.
Лежу. Единственное видеть мог:
напротив – окошко в складке холстика:
"Фотография "Теремок". Т. Мальков и М. Толстиков".

"Фабриканты оптимистов" (провинциальное) так было названо рождённое в Саратове стихотворение. И хотя у Маяковского было удостоверение, подписанное наркомом просвещения Луначарским для чтения лекций по вопросам искусства и культуры с просьбой к организациям оказывать содействие в этом, саратовский Политпросвет всячески пытался затормозить выступления. Он требовал представить тексты стихов и подробно изложить содержание докладов. Тем не менее выступления Маяковского состоялись 29 и 30 января в клубе анархистов, в зале народного дворца (ныне – Дом офицеров) при полном аншлаге.

После выступления Маяковский с техническим организатором Н.Н.Лавутом прячутся в Липках за кустами, чтобы послушать мнения публики.

Раздаются голоса: "Ну и талантище! Хвастун здоровый! Какой остроумный! Здорово читает!" Выйдя из-за кустов, Маяковский резюмирует: "Значит, польза есть. А ругань не в счёт!"

Летом 1915 года популярнейший в ту пору поэт Константин Бальмонт отправляется в лекционное турне по России.

Путь его лежит через Дербент, Тифлис, Кутаис, Ярославль, Самару, Саратов, Уфу, Пермь, Тюмень, Омск, Екатеринбург, Вологду. 1 ноября 1915 года Бальмонт читал лекцию в Саратове. О своих впечатлениях он пишет жене Екатерине Андреевой:

"Я очень-очень обласкан Саратовом. После ярославских глупцов и нижегородских дураков (я был кроток и с теми и с другими) Казань и Саратов – два ярких пятна, два розовых цветника в саду)". А в письме организатору вечера Бальмонта М.Букинику поэт признаётся: *"Те сутки, которые я провёл в Саратове, были для меня настоящим праздником. Я видел людей, которые внимательны, умны и полны искреннего интереса к искусству. Саратовская публика, на мой взгляд, гораздо привлекательнее московской"*.

К. Бальмонт в кругу читателей

Однако местная пресса новое искусство в лице Бальмонта не жаловала, и о выступлении прославленного поэта в саратовских газетах писали с иронией, переходящей в сарказм:

"Поэт Бальмонт! Как много в этом звуке для сердца декадентского слилось! Действительно... поэт даровитый, способный, и если б он мог освободиться от "вавилонского плена" декадентской чепухи, то мог бы одарить русскую литературу не одним хорошим произведением".

Это цитата из отчёта в "Саратовском листке" о вечере нового искусства в музыкальном училище, одним из участников которого был Бальмонт. Он завершался фразой: "Сбор был огромный". Это свидетельствовало о том, что мнения рецензента и публики существенно различались.

Музыкальное училище (ныне консерватория)

В апреле 1916 года Велимира Хлебникова мобилизовали в царскую армию. В отличие от Гумилёва, рвавшегося на войну, Велимир служить не хотел. Он видел в армии несвободу, покушение на творчество, на свой ритм жизни и готов был на всё, чтобы вырваться из этой казарменной неволи. Свой протест против армейской муштры Хлебников выражал своеобразно. Он чудил: отдавал честь, прикладывая полусъеденный батон к фуражке. Кисло отвечал "мерси" вместо уставного: "Рад стараться!" Маршировал по городу с ложкой каши в руке. Что было делать с этим тихим солдатом Швейком? Полковое начальство переводило Хлебникова из полка в полк, из города в город: Астрахань – Царицын – Казань – Самара. А в декабре 1916 года он оказался в Саратове.

Велимир Хлебников

Полк, где он служил, был расквартирован на Университетской улице, где стояли казармы. Хлебников пишет душераздирающее письмо знакомому врачу-психиатру, профессору Военно-медицинской академии, художнику и теоретику искусства Кульбину о том, что ему приходится терпеть в саратовской казарме: “Опять ад перевоплощения поэта в лишённое разума животное, с которым говорят языком конюхов. Шаги, приказание, убийство моего ритма делают меня безумным к концу вечерних занятий. Таким образом, побеждённый войной, я должен буду сломать свой ритм (участь Шевченко и др.) и замолчать как поэт”.

Врач с сочувствием отнёсся к поэту. С помощью врача Хлебников оказался на Сабуровой даче, то есть в Харьковской губернии, в психиатрической больнице. Там с чистой совестью дали заключение, что состояние нервно-психического здоровья пациента не позволяет ему служить в армии. Так бесславно закончилась “военная карьера” председателя земного шара. К сожалению, Саратов видел в нём тогда лишь одного из нерадивых новобранцев, а не поэта.

Двадцатишестилетнего Бориса Пастернака в 1917 году неисповедимые пути Господни завели в наш Балашов, где его ждала новая любовь (после бурного увлечения Идой Высоцкой) к Елене Виноград, будущей виновнице и адресатке знаменитой пастернаковской книги. Он был знаком с ней ещё с 1909 года, в предыдущем сборнике “Близнец в тучах” есть посвященное ей стихотворение, где об их встрече и внезапно вспыхнувшем чувстве Пастернак сказал: “Как с полки жизнь мою достала и пыль обдула”.

Борис Пастернак

Несколько дней своей жизни Пастернак провёл в Балашове, после чего балашовская тема стала одной из главных в его творчестве, а Балашов предстал символом, знаком решающего поворота в жизни, пунктом на пути духовного развития.

Основываясь на семейном архиве, материалах государственных архивов, сын поэта Евгений Пастернак одну из глав своей книги “Борис Пастернак. Материалы для биографии” посвятил балашовскому периоду жизни своего отца, истории неразделённой любви. Известно, что Е. Виноград училась в Москве на высших женских курсах, а её брат Валерьян, с которым дружил Пастернак, – в университете. Как-то раз девушка увидела объявление с призывом принять участие в создании на местах органов земского и городского самоуправления. Группа собиралась в Саратовскую губернию – в Балашов и окрестные селения. Елена принимает решение летом 1917-го года отправиться в Романовку. Её брат останавливается в Балашове. Девушка регулярно навещает его в уездном городе. В начале июля Пастернак приезжает в Романовку, чтобы развеять возникшее между молодыми людьми недопонимание. А в начале сентября – ещё одно свидание поэта с любимой, теперь уже в Балашове.

И без того душило грудь,
и песнь небес: “твоя, твоя!”
и без того лилась в жару
в вагон, на саквояж.

И без того взошёл, зашёл
в больной душе, щемя, мечась,
большой, как солнце, Балашов
в осенний ранний час.

Е. Виноград сохранила в памяти все подробности их встреч. Хорошо помнила медника около дома, где она жила в Балашове, юродивого на базаре около Свято-Троицкого собора (на месте нынешнего Куйбышевского парка), упомянутых в стихотворении “Балашов”:

Мой друг, ты спросишь, кто велит,
чтоб жглась юродивого речь?
В природе лип, в природе плит,
в природе лета было жечь.

Это было жаркое лето 17-го года. С наступлением осенних холодов пришёл к концу и роман поэта. Известие о свершившейся в Петербурге революции ускорило возвращение Пастернака в Москву. Елена Виноград вышла замуж за владельца мануфактуры под Ярославлем, чтобы успокоить мать, волновавшуюся за её будущее. А Борис Пастернак, ещё долго мучимый этой любовной страстью, в 1922 году создаёт свою лучшую книгу “Сестра моя жизнь”, где почти все стихи посвящены истории их любви.

Поэт Иван Елагин (Матвеев) родился 1 декабря 1918 года во Владивостоке.

Иван Елагин

Отец – известный поэт-футурист Венедикт Матвеев дал сыну экзотическое имя: Уотт-Зангвильд-Иоанн-Март. Близкие звали его Залик, а семейное прозвище было – Заяц. В документах же позже он был зафиксирован как Иван. Детство Залика-Ивана, а точнее, 1929-30-е годы были связаны с нашим Саратовом и Энгельсом (Покровском). Об этом мы читаем в его поэме “Память”:

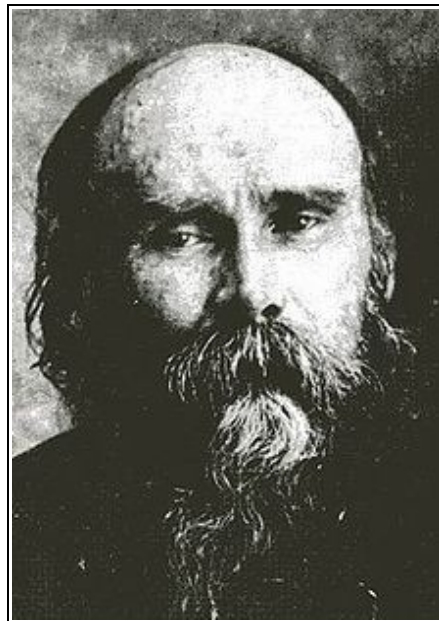
Это тоже город над рекой,
только над рекой совсем другой.
Вон мальчишка с удочкой в руке
по камням с отцом спешит к реке.
Мне пошёл одиннадцатый год.
За плотом плывёт по Волге плот.
Года два ещё придётся нам
прыгать по саратовским камням.

Снова Волга. Волга и паром.
Мы уже на берегу другом.
Чистенькие домики. Уют.
Немцы тут поволжские живут.
Был Покровском город наречён,
Энгельсом теперь зовётся он.

Псковск. 20-е годы

Однако в Саратов будущего поэта привели обстоятельства весьма драматические. Там отбывал ссылку его отец, а Залик беспризорничал в Москве (мать лежала в психиатрической клинике), пока друг семьи (впоследствии — писатель Фёдор Панфёров) не отловил Ивана на Сухаревке и не отправил к отцу в Саратов. Там же, в Саратове, произошла встреча юного поэта с Николаем Клюевым:

Николай Клюев

Как-то раз в Саратове с отцом
мы по снежным улицам идём.
Фонари. Снежок. Собачий лай.
Вдруг отец воскликнул: “Николай
Алексеич!” Встречный странноват —

шапка набок, сапоги, бушлат.
Нарочито говорит на “о”.
Но с отцом он цеха одного.
“Вот, знакомьтесь, это мой сынок”.
(Снег. Фонарь да тени поперёк).
“Начал сочинять уже чуть-чуть.
Ты черкни на память что-нибудь
для него. Он вырастет – поймёт”.
Клюев нацарапает в блокнот
пять-шесть строк – и глухо проворчит
обо мне: “Ишь как черноочит!”
Тот автограф где теперь найду?
Взят отец в тридцать седьмом году.
Все его бумаги перерыв,
взяли вместе с ним его архив.